

Родился (1960) в деревне
Большое Тябердино Кайбицкого
района Татарской АССР. Окончил
Ульяновское высшее военно-
командное училище связи.
Майор запаса. В настоящее
время – инженер-конструктор.
Живёт и работает в Казани.
Автор поэтического сборника
«Посвящения», увидевшего свет
в казанском издательстве «Дом
печати» под псевдонимом
Т. Я. Бердинский

ПОЭЗИЯ

*Юрий
Смирнов*

Как жаль порой, что редко мы летаем

* * *

Мы ушли из тех садов,
Не отведав тех плодов.
Наш Эдем залит потопом
Наших прожитых годов.

Разве в первый раз всё это –
Что уходит город в лето,
Оставляя нам с тобой
Сны, рождённые весной,
Стихший ветер в голове
И синицу в рукаве.
Да прозрачные слова,
Огранённые едва.

* * *

Здесь было море, и стояла дверь,
За нею волны весело, игриво
Манили вглубь прекрасных вод, и дива
Мне дивные сулили. А теперь

Здесь тишина... Безмолвие отныне
Волною бьёт в расплавленный висок
Да времени струит песок
В души моей пустыне.

Моих страстей
здесь умер зверь –
Лишь потому,
что не открылась дверь.

60

Миг Вечности

Земля
Она же – Океан

Мы в пасмурном лесу
Снег, сосны на ветру
Не могут сбить с меня
Печали дальних стран

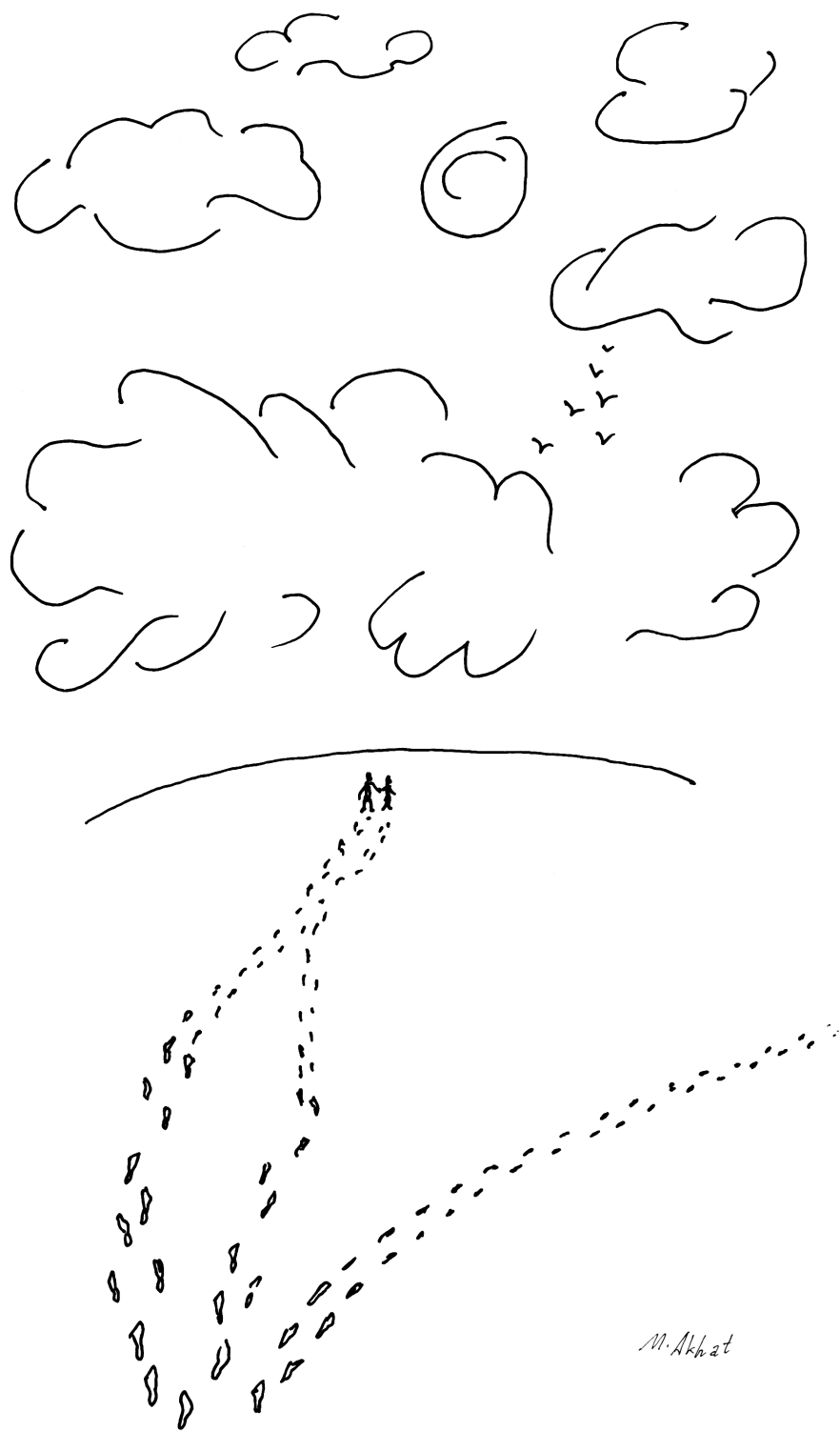
Весеннюю тоску
Седеющих голов
По белому песку
Волшебных островов

Где волосы солёные
Блуждающих ветров
Ласкают оголённые
Округлости холмов

Где солнце как желание
И в пальмах сорок лун
И волны как дыхание
Коралловых лагун

Бьют ласково и томно
По влажным берегам
И шепчут монотонно
О наслажденьях нам...

А я стою продрогший
В том мартовском лесу
По Вечности прохожий
Свою мечту несущий –

Что может быть доверит нам
Планета – Океан
Свои ветра старинные
Свои течения дивные
И вынесет однажды нас
К заветным островам

* * *

Мой ангел спит Укрыта темнотой
Как рыцари храня её покой
Бесшумной поступью сменяются недели
И вещей снов её проносятся метели
Исполнены холодной красотой

Мой ангел спит Дрожание ресниц
Как тихое дыхание зарниц
Во тьме времён над бездной взора
Вдали людской вражды и вздора
Морали мира Рухнувшего вниз

Мой ангел спит и сны её легки
Как зимние кометы далеки
И страстный крик её и жаркое дыханье
В пылу погони крыльев колыханье
И торжество настигшей у реки

* * *

Мы, в сущности, мотаем срок
По зоне бытия.
И генеральный прокурор –
Всевышний судия.

Мы заперты меж «да» и «нет»,
Меж «завтра» и «вчера».
Между всесилием монет
И краешком добра.

Мы от звонка и до звонка
Отмерянный нам срок
Здесь проведём, и нам пока
Не прозвенел звонок.

Так будем веселы, умны
«Паханы», «шестерня»
Пока в компании Луны...

* * *

Огромный город, город-листопад –
Дней золотых горящие костры.

Огромный город, город-снегопад –
Печалью занесённые мосты.

Огромный город, город-солнцепад –
Моих желаний светлая тоска.

Огромный город, город-звездапад...
И я, в ночи идущий Вас искать.

* * *

Казань. Зима. Безумствие метелей.
Засилье шуб и шапок меховых.
Дрожанье предрождественское елей.
Отсутствие друзей как таковых...

Луна, снега, логистика «Героев»,
Тела драконов, павших от мечей
Во славу полуночного ковбоя.
«Ты чей, герой?» Я, собственно, ничей...

Мороз. Луна. Приятность темноты.
Отсутствие пространства между нами
И времени на острове, где ты
Спишь, отогрета от снегов Казани.

* * *

Когда вода всемирного потопа...

В. Высоцкий

Вода вошла в объятия берегов.
Доверчиво, уютно
и привычно.
И берега
вдруг вспомнили из снов,
что, кажется,
всё так и было
вечно.

* * *

Твой город – осень, но не зря
Всеавгустейшим дозволением
Красоты лета украшением
Вошли в начало ноября.
Хоть ветры тёплые не дуют,
Почти зелёные дворы
Не властны хладу до поры
И греют душу молодую.

А дни короче, и зимы
Поутру чуем приближенье,
Как неизбежное явление
Познаем вскорости и мы
Заиндевелых проводов
Седые волосы проспектов
Полузамёрзших городов,
Сны новогодние про лето.

Сны о весне, когда цвела
Любовь не в этом небе грубом,
Где облака, привязанные к трубам,
И облако – прямое, как стрела.

К эльфийке

Звенит июль эльфийской тетивой,
Стрелюю прошлое уходит неоглядно
Куда-то вдаль, до цели неземной.
Там, верно, наши победят... но

Жизнь длинна, как сказка без конца,
Недели, как китайская стена.
И только манит магией кольца
Великая волшебная страна.

* * *

Ты обожаешь сумерки и дождь...
То – благодать, ниспосланная свыше.
Привычную дорогою идёшь,
Ворчания зонта почти не слыша.

Твоей души неизъяснимый нрав
Есть свет, зовущий в радостные дали,
Где запахи чудесных райских трав,
Забывтые, как детские печали.

* * *

«Трактат о запахах» испанца Де Гутьерес
постулирует возможность припомнить

Тонкий парфюм новоглянцевой книги,
Детских картинок вкуснее ковриги
Сладостный дух и какой-то полынный
Школьной тетрадошки ветер пустынный;

Печатных листов типографскую свежесть,
Богатых журналов буржуйскую прелесть,
Засаленных книг библионную вонь,
Бьющую в ноздри, как скачущий конь;

Терпкой волною – под чёрного хлеба,
Зов к молоку и закатное небо,
Льющее лета не пыль золотистую –
Нежным дыханьем истому игристую,
достаточным условием лишь ставя,
вдохнуть поглубже.

Делаю так я.

Дозволишь ли и ты
Вздохнуть себе
И вспомнить
Все запахи игры,
Означенной
Как жизнь?

* * *

Как жаль порой, мой свет, что редко мы летаем.
Всё больше как-то ходим тропюю нужных дел.
А мир вокруг таков, каким его мы знаем,
И каждый видит то, что выбрал в свой удел.

Так сделаем же шаг с разбега в пропасть неба,
В единственную пропасть, которой дна и нет.
Мы, падая, парим, и пыль земная в небыль
Уходит от сближенья двух душ, как двух планет.

Двух ласковых миров, в которых, как и прежде,
Горят неугасимо два огонька в глуби,
Спокойными равнинами лежат моря надежды,
И веры чистый камень поёт всё о любви.

Мелодия та с нами, да и пребудет вечно,
По жизни продираясь сквозь матерную брань,
Услышим её мы, когда в сближеньи тесном
Нас время снова примет в назначенную дань.

Так будут дни легки и вечера уютны,
И будет ночь и пища, которою объелись
Насытные глаза, что в свете обоюдном
Горят – и в них читаемы: мене, текель, прелесть.

* * *

66

Кирпичам в стене напротив исполнилось двести лет,
Не знали тогда – родится ль мой умерший в прошлом дед.

Хайям был поэт и философ, он знал про закон перемен.
Глиною станем, сказал он – и ушёл на создание стен.

Стена за волнами – берег, Ясон же хитрей врагов:
Поныне с волной набегают брызги с его «Арго».

Вода хранит бывшее, жидкий винчестерный блин.
Снежинка – твёрдая копия вечных хранителей нимб.

Пурга замечает стены, стирает следы людей –
Исследование магазинов есть поиск грядущих дней.

Шопинг моих желаний в блеске твоих очей.
Менеджмент мирозданий, оставленных без ключей...

А где-то глубинный космос пронзает солнечный свет
Времени, когда решалось – строить Землю или нет.

* * *

Пушистый, белый, чистый
Твой мир с изнанки туч.
Там солнечный, лучистый
Свет ласково могуч.

Там ярок мир небесный,
И горы, словно пух –
От красоты нездешней
Захватывает дух...

Пушистый, белый, чистый
На грязь земных дорог,
Оттуда снег искристый
Приходит в Новый Год?

И даже серым снегом
Через порожек лет
Ступая, верь, что с неба
Придёт, чего здесь нет.

* * *

За счастье отражаться в зеркалах
Задумчивой загадочной планеты
Мы платим восприятием во снах
Изнанки существующего света.

Мы платим ощущеньем наяву
Провалов маски мироздания,
Ужасным риском осознания
Путей, открытых лишь Ему.

Удастся ль нам уйти людьми,
Познав реальность без личин,
Не по былой земле любви,
А по поверхности причин.

Что нам тогда слиянье тел,
В ночи раздетых догола,
Весна и утро, и капель,
И отраженье в зеркалах.

* * *

У цивилизации есть привкус консерванта,
Того, что добавляют для хранения
Напитков в магазине, ценных связей,
Удачных сделок, перспективы дела –
Всего, что волей ушлых коммерсантов
Вошло в рецепт успеха и признания,
Но оседает в каждом изнутри,
Как плата за комфорт души и тела.

Придворный этикет – лишь способ выживания
В среде с ценой ошибок выше вышки,
Неприменимый для нормальной жизни...
В консервах чувства, что ни говори,
Не сохранить ни остроты желанья,
Ни нежных взглядов. Ласки узнаванья
Не носят на себе наклейки бренда –
Мы в отношении этом дикари.

Цель айсберга не тропик, а экватор.
И сколько бы ни было во льдине консерванта,
Гора всплывает в жаркие объятья
И тает, тает... Новая весна

Цивилизованность заменит нагловатым
Безудержным гормоном, из-за леса
Прискачут принцы поцелуем страсти
Красавиц расколдовывать от сна.

* * *

Её глаза в иные дни обращены...

Б. Окуджава

68

Вот женщина, она мила,
Добра, красива, весела,
В немой восторг моей души облачена.
Лишь редко милые черты
В тенях житейской суеты
Вдруг явят складки изумлённого чела.

Что видно ей со склона дней
В минуты тяжести путей
Подъёма девочки на женские вершины?
Я не пойму, она молчит
И всё настойчивей хранит
Свои секреты от стороннего мужчины.

Она уже не ищет снов
В краю изменчивых основ,
Но свято верит в красоту и слов, и мыслей.
Её суждения резки,
Но будто скрыты ширмою тоски
От встреч утерянных или лишённых смысла.

Мне не понять, мне не объять,
Из глазах бездонных не узнать,
Где спрятан мир её безжалостно прекрасный.
Она и здесь, она – не здесь,
Она б хотела, чтобы весь
Прозрачным стал ток времени и ясным.

Тогда в тумане будних дней
Придёт видение, и ей
Предстанут взору – поздно или рано –
Цветущие поля
И долгожданная земля,
Врата и стены золотые Зурбагана.

* * *

Если кто покинул дом,
Время рушится пластом.
Из незанятого места
Как-то веет холодком.

Непривычна пустота,
Ослепляет чистота,
Удручает невозможность
Жизни с белого листа.

Жаль песчаных крепостей,
Не пришедших новостей,
Нерастраченных улыбок
Дома редкостных гостей.

Сдавит горло коридор,
Как не явленный укор,
И постель не принимает
Утешений с неких пор.

Крыша съехала... Пока
Высь пугает потолка.
Может, это просто с неба
Вдруг уплыли облака?

* * *

Четыре я привычных измерения
Отдал бы за желанное одно –
За миг, когда твоё прикосновенье
Затянет тихо омутом на дно
Реальности под буйное убранство,
За дымку исчезающей черты,
Где свёрнуты
 и время, и пространство,
И лишь одно мне
 измеренье –
 ты.

* * *

Детство и молодость учат нас правильно двигать предметы.
Зрелость умению двигать события нас научает.
Мудрая старость, земные вбирая благие приметы,
Подвигу духа дорогу к высотам любви освещает.

* * *

Ты знаешь, Прелесть, Город без тебя
Совсем теряет голову – с Лебя-
жьем озером иль с базой «Голубой
Залив» уходишь – вечером тобой

Покинутый он, пленник темноты,
Кругами бродит по местам, где ты
Бывала с ним, и всюду фонари
В старании бестолковом до зари

Таскает... Не находит. В тишине,
Ворча остервенело в вышине,
Со звёзд счищает вечности налёт,
Пока их утром напрочь не сотрёт...

Он ненормален – я же вместе с ним
Здесь остаюсь, я вижу – он раним,
И думая, что движется к тебе –
Охвачен ужасом, он топчется в себе.

Он сумасшедший – знаем ты и я –
На крохотном кусочке бытия
Он аленький себе взрастил цветок
И жить уже без Прелести не мог.

* * *

Спасибо, Дом, – ты был любезен к нам!
Твои желанья нами исполнялись,
Твои покои в сумрак наполнялись
Виденьями, присущими мечтам.

Всего лишь прохождением руки
Вдоль чувственно пьянящего веселья
Мы открывали снов твоих владенья –
И уносились водами реки.

Ты спал, ворочаясь: то пол, то потолок
Мелькали пред нашими глазами...
К утру уже уставшие и сами,
Покинув твой стремительный поток,

В снах собственных тонули утомлённо,
Выныривая, сброшенные вдруг
В мечты твои об улицах вокруг,
В росе и свежести лежащих обновлённо...

Спасибо, Дом, за то, что грезил нас.
Мы помним твои тёплые объятья.
Плыви в веках, дабы ещё не раз
Узреть во снах любви земной занятья!

* * *

Лето, Прелесь, это где-то,
По расчётам Эпиктета,
За пределами весны,
Там, где сладостные сны,
По гипотезе Платона,
Из неведомых бутонов
Раскрывают облака,
Белоснежные – пока
Наблюдаем их вдвоём мы
Над казанским водоёмом.

Парменида утвержденье
Я не ставлю под сомненье:
Лето, Прелесь – это рай.
Где захочешь, выбирай,
Бросить тело, с ним и душу,
Наши с кожи скинуть (душно!)
Льны и хлопок, и шелка,
Выпадаючи, пока
Не откинемся доволью
Из реальности неволью.

Нет, конечно, есть Сенека:
До скончания он века
(Хоть и вдумчивый Сократ
Возражал ему стократ)
Утверждал, что летний гон
Есть пустой любовный сон.
Но Декарт ему: «Живу я,
Только мысленно целую»,
И Высоцкий подтвердил:
«Был влюблённый – значит жил».

Так что, Прелесь, лето где-то
Даже больше просто лета:
Это счастье наше жить.
И нет повода тужить –
Солнце, воздух и тебя
Я приветствую, любя,
Даже если провиденье,
Как прощальное виденье,
Вдруг напомнит на Кольце:
Ты – в начале, я – в конце.

